

УДК 316.75:(341.232+323.28)

© Д. А. КОШЕЛЕВ¹, В. Г. ЧУМАК², 2025

^{1,2} Самарский университет государственного управления

«Международный институт рынка»

(Университет «МИР»), Россия

E-mail ¹: dkoshelev@gmail.com

E-mail ²: imi@imi-samara.ru

НОВАЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ПРОЕКТНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ «ТАЛИБАН»: ВЫБОР МЕЖДУ СРЕДНЕВЕКОВЬЕМ И СОВРЕМЕННОСТЬЮ

В данной статье предпринимается попытка выделить и подвергнуть анализу политико-правовые, социальные, экономические и иные последствия приостановления запрета деятельности афганского движения «Талибан», признанного в России террористическим. Обосновывается преждевременность принятия решения о приостановлении запрета в отношении указанной организации. Выявляются положительные и отрицательные аспекты и последствия данного действия для российского государства.

Ключевые слова: Талибан, терроризм, террористическая организация, террористическая деятельность, Исламский Эмират Афганистан, права человека.

Введение

17 декабря 2024 г. Государственной Думой Российской Федерации (далее — ГД РФ) принят весьма примечательный и значимый нормативный правовой акт — Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Цель его разработки была сформулирована в пояснительной записке к одноименному законопроекту [2]. Она заключается в необходимости устранения законодательного пробела, касающегося отсутствия в российском законодательстве правового механизма, который обеспечивал бы приостановление запрета деятельности организаций, включенных в соответствии с ч. 2, 5 ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» [3] (далее — ФЗ О противодействии терроризму) в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (далее — Список террористических организаций) [4].

Формальная же необходимость в принятии данного нормативного акта заключается в том, чтобы создать необходимую правовую основу для решения в последующем вопроса о возможной отмене запрета действия на территории России организаций, классифицируемых как террористические, и в частности, исламистского военизированного религиозно-политического движения «Талибан»¹ (далее — Талибан, Движение), которое обрело политическую власть в Афганистане 15 августа 2021 г. в результате победы в длительном вооруженном противостоянии с законными властями.

В свою очередь, Генеральная прокуратура РФ уже обратилась в Верховный Суд РФ с административным иском о признании недействительным запрета данной организации в России, рассмотрение которого назначено на 17 апреля 2025 г.

В связи с вышеизложенным, цель исследования — определить степень целесообразности принятия решения о приостановлении запрета деятельности некоторых организаций, признанных террористическими, на территории Российской Федерации, а также выявить угрозы и риски, связанные с его реализацией.

Объектом настоящего исследования являются отношения общественно-политического и правового характера, которые формируются в сфере обеспечения антитеррористической безопасности Российской Федерации в связи с возможным приостановлением запрета деятельности некоторых организаций, признанных террористическими, на ее территории.

В качестве предмета исследования выступают доктринальные положения российского законодательства, устанавливающие организационно-правовые, материально-технические и иные основы противодействия террористической активности; нормативные правовые акты Российской Федерации (в том числе законопроекты), а также акты международного законодателя, устанавливающие уголовную ответственность за осуществление террористической деятельности в любых ее проявлениях и формах.

Результаты исследования

На протяжении достаточно продолжительного времени движение «Талибан» находится в фокусе внимания российских политических деятелей, специалистов-исследователей, а также специальных служб. И причин для этого вполне достаточно.

¹ Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

Нет оснований рассматривать данное Движение в качестве системной оппозиции. Скорее, наоборот: оно является, пожалуй, наиболее радикальным представителем афганского политикума за последние три десятилетия, ставящим своей целью построение теократического исламского государства — эмирата на основе религиозных положений и предписаний, содержащихся в Коране, а также норм шариатского права, хотя, как верно в данной связи отмечает Е. С. Васецова, «...радикальный исламизм не является чертой, традиционно присущей афганскому обществу» [5, с. 249].

Если обратиться к Решению Верховного Суда России от 14.02.2003 г. № ГКПИ 03-116, которое стало формальным основанием для внесения данного Движения в Список террористических организаций, то там, среди прочего, отмечается, что оно «... сформировалось в Афганистане в 1994 г. как экстремистское исламское движение. Поддерживает связи с незаконными вооруженными формированиями, действующими на территории Чеченской Республики. В своей деятельности использует методы террора, так, осенью 1995 г. ими был захвачен самолет ИЛ-76 татарстанской авиакомпании «Аэростан», экипаж которого длительное время удерживался в качестве заложников. При поддержке У. бен Ладена изыскивала возможности для захвата исламскими движениями власти в Центрально-азиатских государствах, в том числе и в Узбекистане, Таджикистане, Киргизии» [6].

Помимо этого, в отношении Талибана выдвигались обвинения в тесном сотрудничестве с террористической организацией «Аль-Каида»¹ и отказе выдать США ее руководителя У. бен Ладена, организовавшего и финансировавшего серию террористических актов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке.

По состоянию на начало 2025 г. большинство обвинений против Талибана утратили свою актуальность. Однако вряд ли можно с уверенностью утверждать, что Движение полностью отторгло от себя прежний радикализм.

Если обратиться к действующим на текущий момент международным конвенциям и декларациям в сфере противодействия террористической и экстремистской угрозам, а также исследовать материалы соответствующей правоприменительной практики, можно прийти к выводу о том, что значительное количество государств — субъектов международного права, формально поддерживая общие усилия мирового сообщества в данном направлении, склонны все же

¹ Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

самостоятельно решать вопрос о своем отношении к тем или иным организациям, партиям и движениям как к террористическим и экстремистским, руководствуясь в большинстве случаев пресловутой политической целесообразностью.

Это обстоятельство, возможно, и объясняет не только наличие стабильно высокого уровня дискуссионности таких, казалось бы, однозначно воспринимаемых понятий, как, например, «терроризм», «террористическая деятельность» или «террористическая организация», но и создает понимание условий, при которых осуществляется формирование весьма распространенной практики использования организаций подобного рода некоторыми государствами для достижения собственных политических и иных целей. Примеров, подтверждающих справедливость этого утверждения, вполне достаточно:

- Иран и «Хэзболла» в отношении Израиля;
- Турция и «Хайят Тахрир аш-Шам»¹ против Сирии;
- США, Европейский Союз и «освободительная армия Косова» против Сербии;
- Великобритания и США и «Братья мусульмане»² в отношении Туниса, Египта, Ливии и т.д.;
- Украина, «Азов»³ и «Русский добровольческий корпус»⁴ в отношении России и т.д.

Не следует также забывать и о той роли, которая принадлежит непосредственно США, а также Саудовской Аравии, в процессе создания самого Талибана, его вооружения и финансирования, а также обеспечения ему соответствующей политической и медийной поддержки в целях формирования организованного военного антисоветского сопротивления в Афганистане.

Характеризуя современную ситуацию относительно противостояния терроризму на международном уровне, следует отметить, что, с одной стороны, отношение к тем или иным движениям и партиям как к террористическим носит зачастую подчеркнуто политизированный характер и используется как один из эффективных элементов политической борьбы.

С другой стороны, в современном мире достаточно государств, склонных самостоятельно определять наличие или отсутствие в

¹ Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

² Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

³ Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

⁴ Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

идеологии и практике тех или иных политических организаций элементов терроризма и экстремизма, руководствуясь, как правило, достижением собственных целей в деле обеспечения национальной безопасности. При этом членство этих государств в наднациональных антитеррористических организациях или объединениях, а также их присоединение к соответствующим международным конвенциям и декларациям, осуждающим терроризм и свойственные ему методы, решающим фактором в данном случае совершенно не являются.

Что касается самого Талибана, то с момента захвата им власти 15 августа 2021 г. его оценки как движения с ярко выраженным террористическим уклоном постепенно стали смягчаться, что объясняется во многом вынужденной необходимостью налаживания с новым правительством добрососедских отношений, вовлечением Исламского Эмирата в региональную систему коллективной безопасности, а также стремлением стать его приоритетным экономическим партнером или решить при его участии те или иные задачи.

Так, на текущий момент в Афганистане осуществляют свою деятельность посольства 17 государств, среди которых Россия, Китай, Турция, Япония, Кыргызстан, Узбекистан, Индия, Пакистан и др. Что касается США, то от прямого контакта с талибами они пока воздерживаются, мотивируя свое решение несогласием с проводимым ими массовым нарушением правового и социально-экономического положения афганских женщин и девочек. Однако постоянный рабочий контакт с афганским руководством они все же поддерживают, используя для этого его представительство в Эмирате Катар [7].

Нет никакого сомнения, что российское государство имеет непосредственную и вполне обоснованную заинтересованность в налаживании с талибским Афганистаном добрососедских отношений или, как минимум, в недопущении какой-либо прямой конфронтации с его новыми властями. Это касается как политико-дипломатических контактов, так и связей, имеющих сугубо экономический характер. Вместе с тем факт нахождения Талибана среди организаций, практикующих террористические методы политической борьбы, а также его запрет на территории России существенно тормозят их развитие.

Вне всякого сомнения, задача, стоящая перед российским законодателем при решении данного вопроса, является чрезвычайно сложной. Ведь невзирая на потенциальную возможность получения от такого сотрудничества различного рода выгод и преимуществ, Россия принимает на себя действительно существенные риски, основным из которых следует считать нестабильность современного афганского режима в политическом отношении. Отсутствие у него

необходимого запаса легитимности создает вполне реальные угрозы исполнению тех заверений, которые давались им мировому сообществу сразу после прихода к власти.

К примеру, новое афганское правительство сразу после успешной эвакуации из страны в августе 2021 г. иностранных военных и дипломатических сотрудников ряда государств выступило с публичным заявлением, в котором гарантировало:

- проведение амнистии в отношении государственных служащих, осуществлявших свою профессиональную деятельность в период правления прежних президентов — Х. Карзая и А. Гани, бывших военнослужащих афганской правительственной армии, а также граждан Афганистана, которые обеспечивали деятельность находившейся в стране иностранной военной администрации;

- недопущение закрытия и цензурирования оппозиционных средств массовой информации;

- применение государством политики «нулевой терпимости» в отношении к изготовителям наркотических средств, а также их распространителям;

- уважение прав и свобод женщин и девочек (с оговоркой, что оно будет полностью корреспондировать нормам и положениям исламских традиций и правовых предписаний) и др. [8].

Что касается подхода, избранного Российской Федерацией применительно к процессу исключения организаций из Списка террористических организаций, а также приостановления запрета на их деятельность на ее территории, то, к сожалению, он весьма далек от идеального. Не в последнюю очередь это обуславливается наличием у российского государства международно-правовых обязательств.

К примеру, норма ст. 3 Шанхайской конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [9], участником которой является и Россия, содержит прямой запрет на оправдание по соображениям политического, идеологического, религиозного, философского, этнического, расового или иного характера преступлений, указанных в п. 1 ст. 1 данного нормативного акта.

Соответственно, руководствуясь международными и национальными нормативными актами в сфере противодействия терроризму, а также принимая во внимание наивысшую степень опасности террористических преступлений для общественного порядка и безопасности, можно прийти к выводу о том, что единственным легальным основанием для исключения той или иной организации из российского Списка террористических организаций может являть-

ся ничто иное, как ее ликвидация. Причем как добровольная в виде самороспуска, так и принудительная по решению компетентного органа власти или суда (или в результате ее уничтожения).

Что же касается Талибана, то он не только не допускает возможность собственного самороспуска в будущем, но и является, по сути, монопольным кадровым резервом для работников государственной и муниципальной служб, правоохранительных органов, судебной системы и т.д. Более того, ряд действий, санкционированных и реализуемых новым правительством в рамках конструирования новой афганской государственной субъектности, напрямую затрагивает возможность беспрепятственной реализации представителями некоторых слоев населения Эмирата своих прав, свобод и законных интересов. Есть основания говорить даже о проведении в отношении них репрессий по политическому, религиозно-этническому и иным признакам.

Так, например, эксперты Организации Объединенных Наций (далее — ООН) неоднократно обращали внимание на политику двойных стандартов, которой придерживаются талибские власти в сфере соблюдения принятых на себя обязательств по отказу от внесудебных расправ, насильственных исчезновений, неправомерных преследований и задержаний лиц, сотрудничавших с прежним режимом А. Гани и американским военно-административным корпусом или являющихся представителями формирующегося афганского гражданского общества — преподавателей, журналистов, правозащитников и т.д.

Применительно к другому политическому движению, а именно, Хайят Тахрир аш-Шам, в отношении которого в обозримом будущем также возможно рассмотрение вопроса об отмене запрета его деятельности в России, также необходимо сделать несколько замечаний.

Будучи одним из многочисленных ответвлений некогда могущественной и получившей наибольшую медийную известность «Аль-Каиды», данная организация, при поддержке со стороны Турции и ряда других государств, одержала победу в вооруженном противостоянии с легитимным правительством Сирийской Арабской республики (далее — Сирия, САР). Президент Сирии Б. Асад был вынужден покинуть страну.

Временный премьер-министр, М. аль Башир, подобно руководству Талибана, также неоднократно обращался к международному сообществу с заверениями о твердых намерениях осуществлять строительство в САР демократического светского государства. Однако практически одновременно с ними Хайят Тахрир аш-Шам ини-

цировала серию жестоких массовых расправ над своими вчерашними противниками — военнослужащими сирийской правительственной армии, лицами, исповедующими христианство, а также, в особенности, над последователями аллавизма, находившимися у власти в стране на протяжении последних пятидесяти лет. Данные события фиксировались различными национальными и международными средствами массовой информации на протяжении января-марта 2025 г. [10, 11].

Небезынтересной представляется нам оценка Хайат Тахрир аш-Шам, которую дал ей доцент факультета экономики и политологии Университета Шахида Бехешти (Иран) А. Нури, который уверен в том, что, невзирая на все публичные заверения, которые она делает, «...отрицать террористическую природу организации невозможно» [12].

Российское законодательство, а именно п. 2 ст. 3 ФЗ О противодействии терроризму, также дает указанным выше деяниям вполне однозначную трактовку и квалифицирует их как акты терроризма, что, опять же, не добавляет дополнительных аргументов к позиции о принятии положительного решения о возможности приостановлении ее запрета в России.

Одним из наиболее критикуемых нормативных правовых актов, принадлежащих талибскому законодателю, является Указ Эмира Аль-Муминина от 31 июля 2024 г. «О поощрении добродетели и предотвращении порока» [13] (далее — Указ).

В соответствии с данным документом в структуре афганского правительства учреждено новое министерство — Министерство по поощрению добродетели, запрещению порока и рассмотрению жалоб, которое ответственно за «укрепление мира и братства среди населения и за то, чтобы оно не подвергалось этническим, языковым и региональным предрассудкам» (п. 2 ст. 6).

Указ ввел должности мухтасибов — чиновников-правоприменителей, наделив их широким кругом полномочий, позволяющих им применять в отношении нарушителя его предписаний следующие действия:

- разъяснять сущность вреда, причиняемого его действиями;
- увещевать и предостерегать от совершения преступления в мягкой форме;
- применять силу тогда, когда отсутствуют опасения, что в результате этого может произойти «какой-либо неприятный инцидент» (п.п. 9-11 ст.10).

Что касается лиц женского пола вне зависимости от возраста, то, с одной стороны, данный правовой акт лишь формализовал и без того существовавшее в афганском патриархальном обществе правила и нормы общежития, предписываемые Кораном. В первую очередь это касается системы предписаний и запретов, касающихся поведения женщины в семье и особенно в общественных местах, а именно, необходимости подбора одежды, которая закрывала бы все ее тело, не была бы обтягивающей и имела бы плотную и непрозрачную структуру ткани. Необходимость введения подобных ограничений афганский законодатель объясняет заботой о недопущении «социального беспорядка и хаоса, которые сами по себе могут способствовать совершению греха» (п. 1 ст. 13).

Помимо этого, узаконен запрет на демонстрацию женщиной своего голоса во всех публичных местах, за исключением собственного дома.

Справедливости ради, обратим внимание на то, что тот же Указ уравнивает ограничения в отношении женщины некоторыми запретами, распространяющимися исключительно на мужское население. Так, например, мужчинам предписывается:

- воздерживаться от свободного созерцания женского тела или лица (распространяется на мужчин, не состоящих в браке) (п. 7 ст. 13);
- прикрывать свое тело от талии до колен включительно (п. 1 ст. 14);
- подбирать одежду, скрывающую «определенные части тела» при занятиях спортом (п. 3 ст. 14) и т.д.

Таким образом, есть основания констатировать, что анализируемый Указ мало чем отличается от аналогичных нормативных правовых актов, издаваемых в целях обеспечения общественной нравственности и соблюдения исламских традиций в монархиях Персидского залива.

Однако, с другой стороны, Исламский Эмират ввел систему радикальных по своей жесткости ограничений относительно того положения, которое афганская женщина может занимать в общественной жизни и профессиональной деятельности. Они затрагивают такие сферы, как осуществление избирательных прав, получение светского образования, понуждение к раннему вступлению в брак, невозможность осуществления медицинской, юридической, творческой, правозащитной, преподавательской практик и т.д.

Обратим внимание, что подобные действия не вызвали одобрения даже в самом исламском мире. Показательным в данной связи

представляется мнение министра иностранных дел Эмирата Катар, государства, ставшего ключевым посредником талибского правительства в сношениях с международным сообществом после второго захвата власти, шейха Мохаммеда бин Абдулрахмана Аль-Тани. Он высказал «сильное разочарование» действиями талибов в сфере обеспечения женских прав и свобод (преимущественно в сфере образования), расценив их как «шаг назад» в развитии страны. Кроме того, он рекомендовал официальному Кабулу обратиться к Дохе «за советом о том, как управлять исламской системой» [14].

Таким образом, есть основания полагать, что на текущий момент Исламский Эмират Афганистан представляет собой наиболее ортодоксальное государство современного исламского мира, характеризующееся узаконенным гендерным неравенством, радикализированным уголовным законодательством, продолжающимися внесудебными расправами, а также пренебрежением к базовым правам и свободам человека и гражданина.

Заключение

В настоящее время перед Российской Федерацией стоит поистине сложнейшая задача, которая заключается как в поиске оптимального решения вопроса о возможности приостановления запрета движения Талибан, а впоследствии, возможно, и некоторых иных организаций, так и в недопущении возникновения угроз и рисков, обусловленных данным шагом.

В этой связи представляется возможным выделить как положительные аспекты, которые влечет за собой принятие указанного решения, так и его негативные последствия.

К положительным сторонам приостановления запрета на осуществление деятельности Талибана следует отнести:

1) возможность налаживания всеобъемлющего политического и дипломатического сотрудничества между Россией и Исламским Эмиратом Афганистан;

2) установление взаимовыгодных торгово-экономических отношений, возможность расширения рынков сбыта самой разнообразной продукции российских предприятий, участие российского государства и коммерческих фирм в разработке афганских недр и иных природных ресурсов, доступ к крупным государственным заказам и подрядам и т.д.;

3) появление у России реальных и эффективных рычагов контроля за процессом массового культивирования на территории Афганистана опиумного мака и производством растительных, полу-

синтетических и синтетических наркотических средств, поступающих непосредственно в Россию, государства Средней Азии и остальной мир;

4) возможность сдерживания экстремистской и террористической активности ряда радикальных исламистских группировок, в частности, Исламского государства Ирака и Леванта¹ при непосредственном участии афганских вооруженных формирований;

5) наличие потенциальной возможности организации на территории Афганистана постоянной военной базы Российской Федерации, развертывания комплексов предупреждения о ракетном нападении и т.д.

Невзирая на наличие очевидных преимуществ, которые может обеспечить выход межгосударственного российско-афганского взаимодействия на новый этап развития, количество рисков и угроз различного характера и свойства, обусловленных контактами такого рода, вполне может превысить число ожидаемых выгод. Среди них выделим следующие:

1) приостановление запрета деятельности Талибана вряд ли предоставит России, прямо или опосредованно, как статус крупнейшего инвестора в афганскую экономику, так и положение привилегированного внешнеполитического партнера; не вызывает сомнений, что экономическое и политическое первенство в данном случае ожидаемо будет принадлежать Китаю, среднеазиатским республикам, а также государствам Аравийского полуострова;

2) существуют вполне реальные опасения относительно того, что режим талибов в Афганистане вряд ли может стать долговечным и экономически самодостаточным: очередная смена вектора развития страны никоим образом не будет гарантировать России ни сохранность ее инвестиций, ни возможность распорядиться своими активами на ее территории;

3) российские власти поддерживают довольно тесные рабочие контакты с талибами на протяжении последних трех лет, однако большинство государств современного мира относятся к самой возможности собственных сношений с «учениками» весьма настороженно и не спешат снимать с них обвинения в приверженности к политическому радикализму, исламскому фундаментализму и политике замещения прав и свобод человека религиозными догматами; поэтому в случае, если талибы по какой бы то ни было причине продолжат свою террористическую деятельность, Россия в значи-

¹ Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

тельной степени рискует быть обвиненной в сотрудничестве с террористическим режимом и его поддержке, что, в свою очередь, чревато введением против нее дополнительных санкций и запретов со стороны ООН и отдельных государств;

4) есть основания полагать, что практика замещения существовавшей ранее государственной идеологии, правовой системы и правил общежития буквально истолкованными религиозными нормами, личным мнением эмира и других руководителей государства в обозримом будущем трансформирована не будет, что лишь закрепит курс Афганистана на дальнейшую радикализацию и его превращение в «государство-крепость» во враждебном по отношению к нему миру;

5) не следует сбрасывать со счетов и потенциальную возможность ведения Талибаном скрытой и явной пропаганды собственных идей по расширению границ Исламского Эмирата уже в бывших советских среднеазиатских республиках, что будет нести для России непосредственную угрозу;

6) наконец, упрочение талибского влияния в Таджикистане, Узбекистане и других близлежащих государствах может спровоцировать мощный поток беженцев из них в Россию, что приведет к резкому ухудшению криминогенной обстановки, росту межэтнических столкновений между коренным населением и переселенцами, риску возникновения очагов опасных инфекционных и иных заболеваний, а также неконтролируемому распространению наркоторговли.

Однако одним из наиболее весомых последствий приостановления запрета деятельности Талибана будет являться, вне всякого сомнения, необходимость ревизии всей системы отечественного антитеррористического и антиэкстремистского законодательства. И это вполне закономерно, ведь устремления легализовать и социализировать новую афганскую проектность, а также возможность лишения организаций, признанных террористическими, их статуса в силу политических, экономических или иных соображений, вряд ли будут являться оправданием необходимости реализации курса «realpolitik».

Фактически же запрет приостановления деятельности Талибана в России может стать красноречивым доказательством того, что любая, даже самая радикальная, политическая сила будет рассматриваться как террористическая (экстремистская) и, соответственно, политически «нерукопожатная» лишь до момента обретения ею всей полноты властных полномочий, в том числе и при помощи

вооруженной борьбы, направленной на свержение действующего конституционного строя.

Соответственно, к сожалению, появляются основания для того, чтобы в очередной раз вспомнить о распространенном крылатом выражении о соотношении цели и средств для ее достижения.

Литература

1. Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 513-ФЗ (посл. ред.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494793/.

2. Законопроект № 778284-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в целях совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере противодействия терроризму)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/778284-8>.

3. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 22.02.2025) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

4. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (по состоянию на 01.03.2025). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>.

5. Васецова Е. С. Движение «Талибан» и его роль в региональных политических процессах // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 244-254.

6. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html>.

7. Гасымов Н., Мишутин Г. Некоторые крупные страны Европы идут на сближение с властью талибов. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/07/17/1050422-nekotorie-krupnie-strani-evropi-idut-na-sblizhenie-s-vlastyu-talibov?from=copy_text.

8. Замараева Н. Исламский эмират Афганистан: курс на легитимацию власти. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/islamskiy-emirat-afganistan-kurs-na-legitimatsiyu-vlasti/>.

9. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

10. Christou W. Syrian security forces execute 125 civilians in battle against Assad loyalists. URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/mar/07/death-toll-rises-syrian-security-forces-struggle-quell-assad-loyalist-attacks>.

11. Deadliest acts of violence in over a decade: Hundreds of Alawites killed by security forces. URL: <https://www.france24.com/en/video/>

20250309-deadliest-acts-of-violence-in-over-a-decade-hundreds-of-alawites-killed-by-security-forces.

12. Дорофеева К. «Хайат Тахрир аш-Шам» захватила власть в Сирии. Что известно о террористической группировке и ее целях? URL: <https://lenta.ru/articles/2024/12/12/hayat-tahrir-ash-sham-zahvatila-vlast-v-sirii/>.

13. The propagation of Virtue and Prevention of Voce Law (corresponds to 31 July 2024, Serial Number: 1452): Islamic Emirate of Afghanistan Ministry of Justice Official Gazette. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/political-landscape/the-propagation-of-virtue-and-prevention-of-vice-law-translated-into-english/>.

14. Катар назвал шаги Талибов в отношении образования девочек «очень разочаровывающими». URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/9/30/qatar-taliban-afghanistan-eu-borrell>.

*Статья поступила в редакцию 27.03.25 г.
Рекомендуется к опубликованию членом Экспертного совета
д-р полит. наук, доцентом В. А. Зиминим*